

ЗАХАРОВ Л. В. — в ПОМПОЛИТ

ЗАХАРОВ Леонид Васильевич, родился в 1892 в Великих Луках Санкт-Петербургской губ. Получил высшее образование, преподавал в начальных школах и на заводах. В 1914 — воевал на фронте, в 1919 — в Белой армии, с 1920 — в Красной армии командиром бронегруппы, затем инспектором бронечастей округа. С 1922 — после демобилизации работал инженером-механиком на заводе в Ленинграде. Женат, в семье — сын Евгений. В марте 1935 — выслан с сыном и сестрой Марией из Ленинграда в Куйбышев на 5 лет.

ЗАХАРОВ Евгений Леонидович, родился ок. 1916. Окончил среднюю школу и Химический техникум, занимался научной работой. В марте 1935 — выслан с отцом и тетей Марией из Ленинграда в Куйбышев на 5 лет, был без работы.

В январе 1936 — Леонид Васильевич Захаров обратился за помощью в Помполит.

<22 января 1936>

«Председателю Комиссии
по оказанию помощи ссыльным

Администр<ативно> ссыльного Захарова
Леонида Васильевича, прожив<авшего>
в г<ороде> Ленинграде, по Б<ольшой>
Спасской ул<ице> д<ом> 3 кв. 13.

Заявление

Постановлением Особого совещания при НКВД Ленинградской обл<асти> от 26-го марта пр<ошлого> года — я был выслан из г<орода> Ленинграда в г<ород> Куйбышев совместно с семьей: сыном Евгением и сестрой Марией. За время пребывания здесь, мною было подано два заявления; одно в Комиссию при Упр<авлении> Гос<ударственной> безопасности и другое на имя Верховного прокурора Республики, с просьбами о пересмотре моего дела и снижения степени моего политич<еского> бесправия.

В сентябре м<еся>це, через местное УНКВД мне было объявлено, что первое мое ходатайство отклонено. Не оставляя надежды на возможность реабилитации, я обращаюсь к Вам с просьбой о помощи, с ходатайством о пересмотре постановления и восстановления меня и семьи в правах гражданства, которых мы лишены.

Я искренно заявляю, что не знаю, за какую вину на меня наложено такое тяжелое взыскание. Я всю свою жизнь честно работал, трудом добывал насущный кусок хлеба. Никогда не имел никакой родовой или благоприобретенной недвижимой собственности. Работая в школах, среди детей бедняков и на производстве в среде рабочего класса, невольно сживался с ними и всегда был их товарищем и защитником их интересов перед сильными мира в прошлом. На службе в ц<арской> армии пользовался политич<еским> доверием солдат и во время Революции занимал выборные посты, от председ<ателя> полков<ого> ком<ите>та, до делегата в дивизионный. В Красной <армии> служил, занимая ответств<енные> должности по назначению, от ком<андира> бронегруппы, до инспектора бронечастей округа. После демобилизации из Красной армии в продолжении 13-ти лет (до момента высылки) также честно работал на фронте мирного строительства, всеми силами стремясь быть полезным, своими знаниями и опытом, на участках своей работы.

Единственный год, темным пятном лежащий на всей моей теперешней жизни, это служба, против воли и желания, в Белой армии с 1919 по 1920 год могло служить причиной политичес<еского> недоверия ко мне. Но я не был кадровым комсоставом Белой армии, и на моей совести нет ни капли крови красного бойца. Работая в качестве инженера-механика в Путиловских мастерских, я пользовался доверием рабочей части и парт<ийной> ячейки дивизиона, которые помогли мне, при ликвидации белой авантюры в Крыму, реабилитировать себя перед Сов<етской> властью путем получения защиты в лице ревкома г<орода> Керчи, за организацию защиты и охраны города от погрома белыми бандитами.

Не подвергаясь за все время никаким репрессиям со стороны правительства, я полагал, что прошлое мое мне прощено, и не придавал особого значения высылке, понимал ее, как политичес<ескую> профилактику погран<ичной> области, и хотя не причислял себя к категории лиц, политически неблагонадежных, но относясь с глубоким уважением к Сов<етской> власти и считая действия правительства непогрешимыми, и без протеста подчинился распоряжению и со спокойной душой отправился к месту назначения, предполагал там жить и работать, как жил и работал в Ленинграде.

Причисление меня и семьи к категории лиц, лишенных прав гражданства, явилось для меня полной неожиданностью, и помимо тяжелых моральных переживаний, созданных обстановкой, чрезвычайно тяжело отразилось на судьбе сына.

Сын мой, только что прошлой весной (в день моего ареста) окончил курс Хим<ического> техникума и работал уже на научно-исследовательской работе, естественно предполагал, что ему, как и всякому советскому специалисту, воспитанному государством, широко открыта дорога как в области дальнейшего самоусовершенствования, так и в области работы. Полный сил, энергии и молодого энтузиазма, он горячо отдавался делу, веря в светлое будущее, которое открывалось перед ним. Очувтившись на положении ссыльного, исключенный из организации комсомола, он вот уже в течение десяти месяцев не может найти себе работы, так как с выданным ему, вместо паспорта, удостоверением "администр<ативно> ссыльного", его нигде на работу не принимают. Это положение вынужденной отчужденности, пренебрежительное отношение со стороны лиц, к которым он обращался с просьбами о предоставлении работы, сильно повлияли на его душевное равновесие, создав убеждение о его ненужности обществу и бесполезности существования. Последний удар, самый тяжелый, нанесен ему зачислением его в части тылового ополчения, при явке его на призывной пункт в военкомате. Невозможно примириться с мыслию о необходимости выполнения этого назначения. Я главный виновник его несчастья, числюсь быв<шим> комсоставом Красной армии, а сын мой, не знающий за собою никакой вины, не только лишен права и чести быть красноармейцем, но должен нести службу в частях, формируемых из заведомо чуждо классового элемента: на всю его дальнейшую жизнь ложится на него клеймо лишенца, ни в какой мере им не заслуженное и в будущем обещающее безрадостное прозябание. Невыносимо это сознание своей обреченности и беспомощности. Я не знаю своей вины пред Сов<етской> властью, не знаю, за что я выслан. И если только мое прошлое является причиной политичес<еского> недоверия ко мне, то и последствия за него должен нести я один. Великий Сталин сказал "сын не отвечает за отца", и что "нужно беречь каждого способного и честного работника, беречь и выращивать". Сын мой ни в чем не виноват. Он рос и воспитывался школой и комсомолом и с детства впитывал в себя идеи и

убеждения Коммунистич<еской> партии. Он не может быть врагом рабочего класса, п<отому> что у него нет причин и оснований для этого, и никакого другого класса он не знает.

Я обращаюсь к Вам с просьбой о помощи, о защите сына. Помогите ему снова стать правовым членом общества. Возвратите ему права гражданина и восстановите его человеческое достоинство. Он молод, у него вся жизнь впереди и не наказания он заслуживает за прошлое своего отца, а поддержки и воспитания, которое ему поможет снова стать полезным членом общества.

О себе я не говорю. И хотя остаток своего жизненного пути, я хотел бы, был бы счастлив окончить также полноправным гражданином республики, — себе я прошу только снижения степени моего гражданского бесправия, надеясь в дальнейшем, путем упорной и честной работы, заслужить полное прощение.

Возбуждая ходатайство перед Вами о пересмотре постановления по моему делу и снижения степени моего гражданского бесправия и полного восстановления в правах моего сына. Я прошу Вас поверить моей искренности в том, что ни я, ни сын мой не можем, не хотим быть и никогда не были врагами Сов<етской> власти, давшей все блага и радости трудящимся.

Ведь может же быть бывший честным человеком и убежденным сторонником существующего строя, независимо от своего прошлого.

22-го января 1936 г<ода>.

г<ород> Куйбышев (б<ывший> Самара)
17-е почт<овое> отд<еление>.
Завод "Ход".

Л. Захаров.

При заявлении прилагаю:

Краткое жизнеописание свое и сына.

Выписку из трудового списка и копии с удостоверений о службе в Красной армии»¹.

В 1940-х — Леонид Васильевич Захаров находился в Воронеже, преподавал в средней школе. 24 августа 1942 — арестован, приговорен к ВМН и расстрелян².

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1546. С. 68-69. Автограф.

² Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.